

ОЛЕГ ЁЛШИН
СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ
У ЧАЙКИ

Олег Игоревич Ёлшин

Сколько жизней у Чайки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21204813

Сколько жизней у Чайки: 2015

ISBN 978-1-365013-90-4

Аннотация

Это история об актрисе Валентине Караваевой, написанной в жанре мистического реализма. Это полет Чайки сквозь множество жизней, которые она успела прожить, оставаясь верной искусству, театру, себе. Это история любви...

Содержание

Жизнь первая	13
Жизнь вторая	26
Жизнь третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Олег Ёлшин

Сколько жизней у Чайки

Посвящается Валентине Караваевой.

Живет лишь тот, кто творит. Остальные – это тени, блуждающие по земле, чуждые жизни. Все радости жизни – радости творчества: любовь, гений, действие – это разряды силы, родившиеся в пламени единого костра...

Творить – значит убивать смерть...
(Ромен Роллан)

Судьба артиста – это кладбище несыгранных ролей.
(Фаина Раневская)

Пурга усиливалась. Тяжелые хлопья снега, ниспадая с небес, набухших плотной свинцовой тучей, не стесняясь, прилипали к одежде, мокрыми комьями ложились на непокрытые головы, на плечи, забивались в глаза, проникали в обувь и рукава. А несколько человек, проклиная непогоду, пробирались все дальше. Их ноги вязли в мокрой ледяной каше, но они все шли, неся свой груз, зная, что останавливаться нельзя. Наконец их провожатый замер, пробурчав: – Здесь.

Эти четверо, сняв с плеч небольшой гроб, обитый дешевой тканью, поставили его на сугроб рядом со свежевырытой

могилей. Размяли затекшие от непривычной работы руки и, неуверенно топчась на месте, посмотрели на человека, который показывал дорогу.

– Что дальше? – спросил один из них.

– Дальше? – равнодушно ответил тот. – Опускай!

– Как? – не выдержал второй. – Уважаемый, мы не умеем.

Это не наша работа.

– Может, хватит издеваться? – добавил третий, а четвертый промолчал.

– Кто издевается? – повел плечами провожатый, – я еще на рецепшн говорил – дали бы три сотни, все сделали бы путем.

– Но вам оплатили. Нам сказали...

– Сказали, – пробурчал человек. – Мне никто ничего не платил. А на бутылку могли бы скинуться. В уважаемое место приехали, родственницу хороните, и без рубля в кармане. Не по-людски.

– Мы студенты. Нас попросили в Гильдии актеров. Сказали – нужно помочь. Мы даже не знаем, кого хороним, – в отчаянии ответил первый.

– Гильдия?! – засмеялся могильщик. – Ну, если Гильдия, так давайте пять сотен. Сделаем для вашей Гильдии все по высшему разряду. Гильдия! Надо же! – и замолчал.

Теперь четверо молодых людей стояли, в растерянности глядя друг на друга. А под ногами на белом снегу покоился невесомый груз. Невесомый, потому что пока они его нес-

ли, казалось, тот ничего не весил. Словно маленький гроб был пуст, а человек, для кого он предназначался, по какой-то невероятной случайности исчез, улетел, сгинул безвозвратно, растворившись в этом снегопаде или в туче, которая нависла над головами. Во всяком случае, так им казалось. Но сейчас думать об этом не хотелось. А рядом под ногами разверзлась зловещая яма, куда нужно было опустить гроб. Молчание затянулось. Наконец, могильщика кто-то окрикнул:

– Макар! Закончил? На 540-ой подходи, там уже люди собрались.

Могильщик Макар снова оглядел нашу четверку и сквозь зубы процедил: – Студенты! – потом крикнул: – Сюда идите!

Через мгновение из плотной снеговой завесы появились двое его товарищей.

– Ну? – произнес один из них. – Погода сволочь! Чего стоите-то? Никак?

– Никак! – пробурчал Макар. – Давайте, мужики.

Люди спокойно со знанием дела за считанные секунды опустили в яму гроб и присыпали землей. Потом Макар повернулся к молодым людям, которые молча наблюдали.

– Чего встали, дальше сами! – и воткнул в землю лопату.

– Мы? – удивился один из них.

– А кто?

– Две сотни, – поддержал Макара его коллега, – две, и сделаем все под ключ. Чего молчите?

Тут один из молодых людей не выдержав, взял лопату и горячо воскликнул:

– Да идите вы!

– Куда? – спокойно переспросил могильщик.

– Никуда.

– На 540-ой! – добавил второй студент. – Там вам заплатят.

Связываться со здоровенными парнями, которые работали на кладбище, не хотелось.

– И то верно, – воскликнул Макар, и троица скрылась в плотном снеговом тумане, а издалека еще долго слышались их голоса и смех:

– Студенты! Гильдия! Актеры! Ну, ей богу... Эй, молодежь, лопату на участке оставьте, знаем мы вас!... Студенты!

– Да. «Груба жизнь»! – пробормотал один из студентов.

Теперь они по очереди брали в руки лопату, и мягкая земля тяжелыми мокрыми комьями падала в могилу. Так продолжалось долго. Уже казалось, что яма бездонная, и делать они это будут вечно. Было видно, что такая работа была незнакома юным парням. Наконец, последняя горсть земли соскользнула с лопаты, и молодые люди перевели дух. Они молча стояли, глядя на маленький коричневый холмик, заносимый снегом, ничего не говоря. Наконец, один спросил:

– Олег, кто она?

– Вовка, я не знаю. Не помню. Утром позвонила Изольда, потом я заскочил в Гильдию. Она что-то говорила, объ-

ясняла, но было некогда. Дала временную табличку. Сказала прикрепить... К чему ее крепить?

– Покажи, – попросил третий студент.

Олег вынул из пакета небольшую квадратную доску, на которой были начертаны две даты и незнакомое имя.

– Изольда рассказывала, что...

Вдруг из тумана вновь появилась фигура Макара.

– Ну что, студенты, не закончили? Час уже прошел!

– Закончили, – сухо ответил Олег.

– Так не пойдет. Утрамбовывать кто будет? Кто так делает? Присыпали и все. Ну-ка дай? – и, взяв лопату, он какое-то время поправлял холмик. Наконец, с любовью произнес:

– Вот так. Все должно быть по-людски. По-хорошему все должно быть.

За время отсутствия Макар заметно подобрел, видимо там, куда он отлучался, люди оказались сговорчивее.

– Опять деньги будете просить? – спросил Володя. Тот внимательно на него посмотрел и ответил: – Что с вас взять? Понимаю – Новый год, вас и прислали, больше некого. А копейки мне ваши не нужны, оставьте себе – тут клиенты побогаче ходят.

Он заметил в руке Олега табличку:

– Прикрепить что ли?

– Если не трудно, – ответил тот. Макар взял ее и начал читать:

– Актриса... Полетаева – Чандлер... Анна... Ивановна.

21.05.1921-12.01.98.

Посмотрел на ребят: – Кто такая?

– Вот и мы вспоминаем, кто она, – задумчиво произнес третий студент, но его перебил Олег:

– Изольда говорила, что это большая актриса. Лауреат Сталинской премии.

– Лауреат? – удивленно произнес Макар. – Чандлер. Не русская, наверное.

– Фамилия двойная. Еще Изольда говорила, что она была женой английского лорда.

– Лорда? – все больше удивлялся Макар. – Английского? Странно.

– Что? – не понял Володя.

– Странная у вас Гильдия.

– Причем тут Гильдия? – вспылil Олег.

– Актриса? – скептически повторил Макар.

– Да, актриса! – продолжал Олег. – Великая советская актриса. Снималась в кино. Фильм был такой..., – он замолчал, вспоминая.

– «Машенька»! – вдруг воскликнул Володя.

– Да! Конечно! «Машенька»! – отозвались остальные.

– Не знаю, не видел, – пробурчал Макар.

– Его смотрели миллионы, – уже громче сказал Олег. – Этой женщине рукоплескала вся страна. Ее знали во всем мире. Изольда говорила, что сам Черчилль был с ней знаком. Не она с ним, а он с ней. Танцевал с великой актрисой на

приеме! Миллионы людей покупали билеты и шли в кинотеатры, чтобы на нее посмотреть. Это была личность! Звезда!

А Володя вдруг добавил: – Если бы сюда пришли столько зрителей – на несколько километров очередь бы растянулась.

Все на какое-то время замолчали, представляя это зрелище. Наконец, Макар произнес: – Миллионы, говоришь? Так никто же не пришел, цветка не положил. Не знаю, почему у вас так хоронят лауреатов и жен лордов. У нас все просто. Вон на 540-й человека привезли. Вся стоянка на парковке занята. Сотни людей собрались. Вот это личность.

– Кто такой? – спросил Олег.

– Уважаемый человек. Черной икрой торговал, осетриной. Прожил недолго – что-то с кем-то не поделил – «такие» долго не живут. Зато как жил! Эх, лихие девяностые! А ты говоришь – жена лорда... Гильдия... актриса.

Он закончил крепить табличку на небольшом столбике, встал и отряхнул руки.

– Все, парни, закончили. Покойся с миром актриса... Полетаева – Чандлер... Анна Ивановна, – с трудом прочитал он, потом внимательно посмотрел на притихших студентов: – Актеры, говорите? – подумал немного и добавил, – хотите заняться настоящим делом? Давайте к нам. Как раз бригада и нужна. У нас без выходных, с утра до вечера. Работы полно – на всех хватит. Могу с начальством поговорить.

– Спасибо, мы подумаем, – ответил Володя, – задумчиво глядя на могилку.

– Подумайте, подумайте – бросил Макар, и со словами, – бывайте, увидимся, – удалился.

Какое-то время они молча стояли, не замечая снега, который продолжал валить. Ветер утих, и снежинки безмятежно кружились в своем грациозном нескончаемом хороводе. Они падали на землю, бережно укрывая темную глиняную насыпь, превращая ее в теплое уютное ложе – последнее прибежище, где навеки упокоилась неизвестная женщина, великая актриса, в жизни у которой было все...

– Поступило интересное предложение, – очнулся третий студент. – Согласимся? Ролей все равно нет.

– На кладбище могильщиками?

– А что?

– Нужно подумать, – отозвался Олег. – Я работы не боюсь..., а как же репетиции, а учеба, а театр?...

– Театр? – тоскливо произнес Володя, – деньги-то нужны...

Вдруг из снежной завесы появилась фигура человека. Одет он был в черное пальто, которое было расстегнуто, а под ним виднелась белоснежная рубашка. Голова его была не покрыта, на ногах надеты легкие туфли, руки облачены в тонкие черные перчатки. Так одеваются люди, идущие в театр или в ресторан, но никак не на кладбище. Как по такой непогоде он не замерз, было непонятно. И еще все с удивлением заметили, что на его пальто не было ни единой снежинки, несмотря на то, что снег валил стенами.

Человек подошел к насыпи, устался на табличку и замер. Долго стоял, не обращая внимания на остальных. Потом очнулся и перевел взгляд на парней. Тогда Олег спросил:

– Вы ее родственник? Вы знали ее?

– Нет, не родственник, но был знаком с ней всю ее жизнь.

– Расскажите о ней? – попросил Володя.

– О! Это долгая история.

– Ничего, время у нас есть.

Тот немного помолчал.

– Эта женщина ухитрилась в одной жизни прожить множество разных жизней.

– И все-таки...

– Рассказать? Что же, вы будущие актеры, пожалуй, вам это будет интересно.

– Откуда вы это знаете? – удивился Олег, но тот ему не ответил. Человек в черном пальто поковырял носком ботинка мокрую кашу под ногами, провел рукой по табличке, смахнув с нее снег, и медленно заговорил. Это был не рассказ. Он словно читал страницу за страницей длинную книгу жизни, перелистывая дни и недели, месяцы, годы, десятилетия. И целая эпоха уже проходила перед глазами. А все замерли, заворожено слушая этого странного человека и его удивительного историю.

Жизнь первая

Впервые я встретил ее в далеком 1935-м. Была весна. Последний снег еще не стаял, но горячее солнце уже ярко освещало улицы и площади, скверы и парки, заглядывало в кривые переулки, забиралось в самые отдаленные темные уголки, чтобы оставить там хоть капельку тепла, напомнив людям о скором окончании холодного времени года и приближении долгожданного лета. Веселой капелью оно топило остатки последнего сероватого снега, который свисал с озябших крыш, и, конечно же, не забыло о заводах и фабриках, которые с радостью подставляли ему свои красные кирпичные бока, греясь в его лучах. Было их здесь великое множество. Город назывался Вышний Волочок.

Сегодня я закончил свои дела. Больше меня здесь ничто не держало, и теперь я спешил покинуть это славное местечко, идя по центральной улице, на прощанье, оглядываясь по сторонам – когда еще придется здесь побывать? Да и придется ли? Заглядывал в лица прохожих, которые двигались кто куда. Жизнь в этом городе шла размеренно и неторопливо.

Вдруг мое внимание привлекла хрупкая фигурка девушки, ее лицо, черные, как угли, глаза. Они отражались в солнечных лучах и пронзительно светились. Девушка была взволнована и выделялась из толпы горожан. Она была другая, была не похожа на прочих. И поневоле я остановился.

В ее глазах таилось предчувствие какой-то загадки, сказки. Может быть, она еще не придумала ее, но в предвкушении словно летела на крыльях, напоминая птицу. Она пролетала мимо контор и магазинов, мимо школы и поликлиники, проходной фабрики, которая гостеприимно открывала перед ней свои двери, но девушка на все это внимания не обращала. У нее был свой удивительный неповторимый маршрут. Во всяком случае, так мне показалось, и тогда я последовал за ней.

Она меня не замечала, да и не могла заметить, впрочем, как и остальные на этой улице. Чтобы стало понятней, я должен вам кое-что объяснить:

Я Ангел. Я тот, кто выполняет некоторые обязанности и поручения. А работа моя, так или иначе, связана с людьми. Один попросит, другой пожелает, третий возомнит,... четвертый... Таких великое множество. Конечно же, не каждый может позволить себе иметь Ангела. Даже думать об этом не станет и прекрасно проживет жизнь без него. Но некоторым он необходим.

Зачем я за ней пошел – не знаю. В дальнейшем я не раз об этом пожалел, вспоминая нашу первую встречу – пройди тогда мимо, все могло бы сложиться иначе и у нее, и у меня. Да-да – и у меня тоже. Такая работа накладывает на Ангела, как и на простых смертных, неизгладимый след. Все дело в том – как к ней относиться. А я любил людей и сейчас люблю, поэтому все так сложно, так непредсказуемо и запутан-

но. А без любви все просто, но не интересно. Как же быть? Любить! Вот. Получились почти стихи...

Итак, я шел следом, внимательно ее разглядывая. Наконец, заметил в ее руках книгу. Какую? Захотелось догнать и подсмотреть, но девушка вдруг остановилась, и, раскрыв ее, начала лихорадочно листать. Потом замерла. Она стояла посреди улицы, никого не замечая, а в этих черных глазищах, которые становились все больше, теперь отражалась не весна и не веселая капель, не легкомысленные брызги оттаявших луж и не детские мечты и грезы. На вид ей было лет пятнадцать, но в эту минуту она стала намного старше и мудрей. А сумасшедший восторг засиял в глазах такой маленькой, но уже взрослой женщины. Любопытство меня переполняло. Через мгновение я оказался рядом и заглянул через ее плечо. Начал читать до боли знакомые слова:

«...Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...»

Конечно же, я сразу узнал эти строки. Чехов! Великий Чехов! А она все читала:

«Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах.

Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно».

Я читал вместе с ней и слышал ее неровное дыхание. Девушка была взволнована, и это волнение передалось мне. Я уже чувствовал, какой восторг переполняет ее душу. Невероятный восторг и одновременно муку. Муку, несравнимую ни с чем. И на мгновение мне стало за нее страшно. А она все читала, не отрывая глаз:

"Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа – это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь».

Зачем она в столь раннем возрасте читала эту книгу, я не понимал. Как эта пьеса к ней попала, кто ей ее посоветовал, я не знал. А девушка все читала, стоя посреди улицы, никого не замечая. Вдруг книга выпала из ее рук. Она бросилась и тут же ее подняла. Что удивило, на обложке не осталось ни следа от весенней грязи, которая толстым слоем покрывала тротуар, ни единого пятнышка. К этой книге ничего не прилипало – ее невозможно было запачкать! Чудеса! А девушка уже гневно смотрела на своего обидчика – высокого полного гражданина, который задел ее сумкой на быстром ходу.

– Товарищ, нельзя ли поаккуратнее! – воскликнула она,

бережно прижимая книгу к груди, а в ответ слышала:

– Нельзя, гражданка. Чего встала посреди улицы? Тут тебе не библиотека! – и хрипло засмеялся. Потом посмотрел на обложку книги и воскликнул: – «Чайка»! Ха! Все бы вам, барышня, в игры играть. В куклы да бирюльки! Делом нужно заниматься! Делом!

– Я и занимаюсь делом! – с обидой в голосе воскликнула она, но тот ее уже не слышал. Он поднял с земли тяжелую сумку и потащил ее в сторону рынка, который виднелся неподалеку.

– Вы еще обо мне услышите! – прошептала она. Долго стояла и смотрела куда-то вдаль, сосредоточенно размышляя. И снова этот взгляд – гордый, независимый, полный света, огня и пока еще несбывшейся мечты. Потом перевела взгляд на книгу, снова захотела ее раскрыть, но оглядевшись, хлопнула и стремительно помчалась дальше. Она уже забыла обо всем, а ее черные глаза светились счастливыми огоньками. Как она не похожа была на тех, которые шли по этой улице, – снова подумал я. – Она была совсем другая!

Я не уехал из этого города, хотя дела звали меня в дорогу. Ангелу всегда нужен тот, кому нужно помогать. Но, кто достоин такой помощи? Если твои помыслы чисты, а желания истинны и благородны – я окажусь рядом. Я непременно приду, только нужно в это поверить. И тогда все получается. Тогда рождается чудо! Но, творить чудеса способны не все – так устроена жизнь. А, как трудно разыскать такого челове-

ка в многоликой, пестрой толпе. Кто же из них достоин? Какая непростая миссия. А эта? Совсем еще ребенок. Сейчас она закончит седьмой класс, через год восьмилетку. Пойдет учиться дальше или работать на фабрику. Потом найдет себе достойного человека, создаст семью, родит ему детей и проживет достойную жизнь. Но, зачем ей я? У нее все получится и без меня. А детские мечты?... Уйдут безвозвратно и останутся в далеком прошлом. Все будет хорошо. Все будет, как у всех...

Но эти глаза! Я давно таких не видел. А за свою долгую жизнь, или не жизнь, а существование, повидал многое. И прекрасно знал, что этот взгляд означает. И тогда я решил здесь ненадолго задержаться.

Глупость? Игра? Неужели на меня так подействовала весна? Сотни, тысячи, миллионы лет я замечал ее, никогда не проходя мимо. И вот она снова явилась, зазвонив радостной капелью в свои колокола. Что же – весна, так весна. А еще эти детские черные глазища, которые смотрят упрямо и светятся непонятым восторгом.

Несколько дней я за ней наблюдал. Смеялся. Уговаривал себя, что все это блажь, случайная встреча, глупость. Пятнадцать лет – что она знает о жизни? Что она может? Чудо? Только великая сила и талант могут его создать. А она... Несколько дней девушка не выпускала книгу из рук, перечитывая снова и снова. Уже знала наизусть большие куски. Шла в школу, выполняла нехитрые обязанности, помогала

маме, и снова возвращалась к любимым страницам. А когда оставалась одна – начинала читать вслух. Чего она хотела, было непонятно. Но снова и снова перечитывала, повторяя взрослые слова этих взрослых людей:

«Я чувствовала, что мы еще увидимся. Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь, я ухожу от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву. Мы увидимся там».

Какая глупость, – думал я. – Что за недетские игры. А голос Тригорина, этого писателишки уже шепчет ей на ухо, он словно обволакивает:

«Вы так прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!»

Я вижу, как она склоняет голову ему на грудь. Она словно под гипнозом этого порочного человека. А тот продолжает жалкую игру ради пустой забавы:

Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку... эти кроткие черты, выражение ангельской чистоты... Дорогая моя...»

Уже целует ее! Что ты знаешь о любви?! Что можешь ты знать, маленькая девочка, об этих сложных путаных отношениях? Когда даже взрослые не могут в них разобраться! О том, что влечет этих людей друг к другу. Они встречаются, потом расстаются, снова встречаются. Встречаются ради забавы, обманывают, обманываются. Зачем тебе это?

В какой-то момент почувствовал, что ревную ее. А она все продолжала читать вслух. Голос ее становится тверже, громче, увереннее. Девушка выбирает самые сложные трагические куски. Откуда в ней это знание? Но по наитию продолжает говорить:

«Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я – актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски – проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!»

Она в отчаянии заламывает руки, а в глазах слезы, но снова потухший взор уставшей повзрослевшей женщины и эти слова:

«Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! Я – чайка... Не то. Я – актриса. Ну, да!... И он здесь... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого со-

стояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я – чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

Магия слов! Теперь я понял все. Она не смогла устоять перед Чайкой, которая помахала ей крылом, а потом по нелепой случайности из забавы была убита. Просто на стене висело ружье. А значит, рано или поздно оно должно было выстрелить. Все просто. Это закон. Закон театра. А сколько еще юных сердец не смогли пройти мимо своей Чайки. Видели ее, играли в эту историю. Потому что ее создатель, однажды взяв в руки перо, сотворил чудо. Снова чудо! И противиться ему невозможно. И вот уже она произносит следующие слова. Свои слова. И книга ей больше не нужна:

– Я стану актрисой! Я должна быть актрисой, и я ей стану! И обязательно сыграю Нину Заречную! Сыграю так, как до

меня этого не делал никто. Я Чайка!

Безумие! Детские фантазии! Магия слов. Только, говорит она все тверже, а во взгляде появилась совсем не детская уверенность, даже упрямство. Поверил ли я этой девочке? НЕТ!

Дальше ее действия были непредсказуемыми даже для меня. Однажды в один из весенних дней девушка купила конверт, взяла лист бумаги и написала письмо. На конверте стоял короткий адрес: «Москва. Кремль. Товарищу Сталину». Потом с трепетом отнесла его на почту и бросила в ящик. Мне ничего не стоило его прочитать. В письме говорилось о том, как она любит театр, не может без него жить, хочет стать актрисой. Что ей мало лет, но она готова оставить школу и просит разрешить на год раньше поступить в театральный институт. Писала еще какую-то ерунду, которую читать я уже не мог. А потом наступила пауза и тишина. Она не брала в руки книгу, не читала выученных монологов и ждала. Только ждала. Прошел день, потом другой...

Прошла уже целая неделя. Каждое утро она вскакивала с кровати и выбегала из квартиры. Скатывалась с лестницы, подбегала к почтовому ящику и замирала. Открывала его. Слава Богу, там ничего не было, да и быть не могло. Потом она медленно возвращалась в квартиру, собиралась в школу. Мать ее не узнавала, но девушка ничего не объясняла. Да и что она могла объяснить? Что она сумасшедшая?

– Нет! Я не сумасшедшая, – думала она, словно слышала чей-то голос. – Он мне непременно ответит. Он не может

не ответить. Говорят – он Отец нации, а значит и мой отец. Просто у него много дел. А может, письмо еще не дошло?

И по дороге в школу она забежала на почту.

– Дошло! – услышала она ответ на свой вопрос.

– Еще как дошло! – вторил ей все тот же голос. – Конечно, дошло. Уже три дня, как оно лежит на столе перед глазами самого Отца нации. Он уже прочитал его и теперь думает, что ответить.

Этот голос издевался над ней.

– Да! Он думает! – упрямо возражала она. – Хотя, к нему наверное доходят десятки писем... А, может быть, сотни... Или тысячи? Какой ужас!

– Ну что ты, девочка, все другие письма давно выброшены. Они ему неинтересны. Одно письмо! Только одно и оно твое! Конечно же, ответит! – уже смеялся этот противный голос.

– Да! – чуть не плакала она. – Что в этом удивительного? Что я не правильно сделала?

– Все правильно, – снова являлся голос. – А сегодня утром он принял важное государственное решение!

– Какое?

– Отложить все важные государственные дела – индустриализацию, электрификацию, коллективизацию, мелиорацию... Что там бывает еще? Прочую ...ацию и собрать совет.

– Что собрать?

– Собрать всех членов Центрального Комитета, где и будет рассмотрено твое письмо.

– Да?...

– Да-да. В огромном Георгиевском зале соберутся все высшие чины, уважаемые люди и будут принимать это непростое решение.

И тут голос противно захохотал. Он снова издевался. Она уже ненавидела его.

– Что в этом такого? Товарищ Сталин любит театр и книги любит, и кино, и актеров.

– И актрис! – гомерически хохотал голос.

– Да! Актрис! Он обязательно прочитает мое письмо и ответит.

– Конечно!

– Он поможет мне! – в бессилии закончила она и замолчала.

– Наконец ты поняла, какую несла ерунду?

– Поняла, – пошептала она.

– Знаешь что, девочка, – уже спокойнее продолжил голос. – Завтра ты пойдешь в школу и закончишь седьмой класс. Будешь учиться еще год, а потом... В твоём замечательном городе есть бумагопрядильная фабрика. Какое красивое название! Есть ткацкая фабрика. Есть еще множество мест, где ты сможешь пригодиться. А товарища Сталина не беспокой. У него много дел. Ты меня поняла?

– Да, – тихо ответила она.

– Что?

– В школу.

– Завтра?

– Завтра.

– А через год на...

– Завтра! – неожиданно громко воскликнула она, и ее огромные глаза опять засверкали с сумасшедшим восторгом.

Я так ничего и не понял. А на следующий день девушка, собрав старенький чемоданчик, отправилась на вокзал. На столе, на самом видном месте она оставила маме записку, в которой было всего несколько слов: «Еду в Москву, чтобы стать актрисой»!

Все-таки она сделала это! Словно, махнула на прощанье белым крылом. А я так и не смог ее переубедить, старый дурак, не смог объяснить, в какую игру она решила сыграть. О, великая магия слова! В этот день под стуки колес поезда, уходящего в Москву, детство Анны Полетаевой закончилось безвозвратно и навсегда. Но жизнь только начиналась...

Жизнь вторая

– Ох уж эта почта! Знаете, я несколько месяцев назад отправила письмо одному человеку, живущему в Москве, оно до сих пор не дошло.

– Да, что вы? Я и не знал, что у нас проблемы...

– Да-да. Оно еще в пути. А я уже давно здесь! Так странно! Так смешно!

– М-да, смешно... И все-таки не затягивайте с этим. Позвоните в школу, езжайте туда, пока еще занятия не начались, и привезите документы. Мы же должны зачислить вас на курс. Поторопитесь – скоро осень, начало учебного года.

– Конечно. Я понимаю. Я все сделаю!

– Сделайте, милая, будьте так любезны...

В эту минуту она разговаривала с самим Мастером! Так в театральных институтах называют педагога, который возглавляет курс. Несмотря на молодой возраст, он уже успел снять несколько фильмов и сделать себе громкое имя. Приехав в Москву, она с блеском выдержала вступительные экзамены в школу-студию при «Мосфильме», поступив к нему на курс. Только пришлось соврать, что окончила восьмилетку, и теперь не знала, что ей делать. Прошла неделя, другая, уже наступил август. Оставалось совсем немного, и скоро обман вскроется. Однажды их курс был созван на собрание перед началом учебного года, куда она явилась, сгорая

со стыда – за это время так ничего и не придумала. Неужели ее выгонят? – думала девушка. Когда все разошлись, она осталась в комнате наедине с Мастером.

Тот долго пристально на нее смотрел, ничего не говоря.

– Ваши документы так и не пришли, – наконец услышала она голос человека, которого уже боготворила. Она не знала, что сказать! Понимала одно – сейчас решалась ее судьба. Проще было стоять на прослушиваниях, читая монологи и басни, стихи, петь и танцевать, проще было выдерживать невероятный конкурс, чем сдавать этот экзамен – последний.

– О! Документы, – вырвалось у нее. И, неожиданно для себя, улыбнулась. Словно, какой-то голос шептал ей, подсказывая, что нужно говорить:

– Нужно стоять до конца, стоять на своем, – настаивал он, – а там будет видно!...

И девушка быстро затараторила, нервно жестикулируя:

– Действительно! Документы! А ведь я им звонила! Я писала. Они все обещали, обещали... Потом приехала в свой город, но школа была закрыта на каникулы. Конец учебного года, что поделаешь. Там шел какой-то ремонт. Грязь, кирпичи, стройка. Все в лесах! Пыль несусветная! Учителя разъехались кто куда. Потом вернулась в Москву, снова звонила. Мне обещали все сделать. Иногда кажется, словно везут мое письмо на перекладных, на стареньких лошадях, а вокруг пурга, и почтовая карета вязнет в глубоком снегу. Какая карета – на дворе 20 век! Какая пурга – сейчас август, а

там все снега и снега, и холодная зима. Теперь каждый день я захожу на почту и задаю один и тот же вопрос! Голова идет кругом! Вот и сегодня утром была там. А мне сказали...

Все это время Мастер с интересом слушал девушку, прищурив глаза, словно репетировал сцену или делал кинопробы на роль, наконец, спокойным голосом перебил:

– Закончили?

– Да... Нет... Не знаю, – тихо прошептала она и умолкла. Голос тоже молчал.

– Тогда скажу я... А нам на почте сказали, когда мы уже сами сделали запрос в вашу школу, что ответ пришел. Пришел всего за два дня. Вот так... И никакой пурги, как вы изволили фантазировать, не было! И лошадей тоже. Сдохли все лошади еще в прошлом веке! Пурга! Ну, надо же!

Тут он гневно сверкнул глазами и зарычал:

– А там было написано, что вам оказывается только 15! И вы... вы даже не соизволили закончить восьмилетку... Что скажете? Говорите же, слушаю вас.

– Я?... Что скажу я? – робко переспросила она. Но голос снова молчал, и что ответить она не знала.

– Да! Вы! Опять будете врать?! – он едва сдерживал себя. Он был в бешенстве, в ярости. – Ненавижу вранье! Идти в профессию актера и начинать с вранья, значит ставить на себе крест! Как вам потом поверит зритель? Ничего порочнее лжи не бывает. Вы, молодая особа, должны знать это. К тому же, явившись сюда на год раньше, вы изволили занять

чьё-то место, черт возьми. Об этом вы подумали? И все из-за вашего вранья!...

– Это не вранье, – вдруг спокойно перебила его девушка. От возмущенья он чуть не задохнулся.

– А что же?

Небольшая пауза повисла в аудитории.

– Неправда... Маленькая неправда! – наивно ответила она. – А что мне было делать? Если бы я сразу призналась, что мне 15 – вы бы на меня даже не посмотрели! Стали бы вы со мной разговаривать? Ответьте, только честно! Стали бы?

– Нет, – невольно вырвалось у него. Такой наглости он не ожидал. Ожидал всего, чего угодно: слез, мольбы, уговоров, только не этого. Он выпученными глазами на нее смотрел, а маленькая наглая врунья уверенно продолжала:

– Вот! У меня не было другого выхода!

– Но, позвольте. Приехали бы на следующий год. Закончили бы восьмилетку и добро пожаловать!

– Я хотела поступить к вам. Именно к вам. А вы набираете следующий курс только через четыре года!

– Приехали бы через четыре года, если уж такая нужда учиться у меня.

– Ха!

– Что означает ваше «ХА»? – он был совершенно озадачен.

– Вы смеетесь?! Через четыре года я буду старая и никому не нужная.

– Да, что вы? – он с искренним интересом на нее смотрел. – Действительно, как я не подумал? Через четыре года вам будет...

– Девятнадцать! Целых ДЕВЯТНАДЦАТЬ!!! Понимаете? – все больше заводилась она.

– Да-да. Понимаю. Глубокая старость.

– Вот. Вы все понимаете, а говорите – вранье! Маленький обман.

Она замолчала и теперь смотрела на него широко открытыми глазами. От этого взгляда невинного и трогательного он уже забыл обо всем. Вдруг захохотал.

– Что вы смеетесь? – удивилась Аня, а он уже не мог остановиться. – Вы надо мной смеетесь? Почему? Я сказала что-то смешное? Никогда не думала, что у меня такое амплуа. С далекой молодости готовилась играть героинь, а надо мной смеются. Надо мной! Странно!

– Все! Хватит! – уже рычал он, утирая слезы, – Замолчи!... Фу!

Какое-то время он приходил в себя, а девушка молча на него смотрела.

– Вы меня выгоняете? – прошептала она.

– Нет... Но, ты не знаешь, девочка, какую головную боль мне устроила, и через что придется пройти, чтобы тебя в пятнадцать лет зачислили на курс.

– Но, у вас получится? Скажите! Не молчите же! Это вопрос жизни..., – больше она не могла скрывать волнения.

– Да! – сдался он. Продолжать это разговор больше он не мог да и сердиться на нее тоже. – Возьмем тебя под коллективную опеку. Как дочь полка.

– Вы не шутите?

– Какие уж тут шутки? – пробормотал он.

– Да! Да!!! – громко закричала она, выбежав из комнаты.

– Сумасшедшая! – летело ей вдогонку. Через мгновение вернулась, подошла к нему близко, очень близко, неожиданно став серьезной. – А насчет того, занимаю ли я чужое место, – сверкнула глазами девушка. – Очень скоро я вам докажу, что оно мое! – гордо заявила она. Только теперь он понял, какой бесенок с черными, как уголь глазами, завелся на его курсе. А ведь с ней не поспоришь – именно такие глаза театральному институту и нужны, – подумал Мастер.

Так началась новая и такая необычная для нее жизнь! Каждый день она с радостью отправлялась на учебу, была старательна и активна, постигала сложную науку сцены с таким рвением, которое дано не каждому в ее возрасте, а была она младше остальных, что не помешало очень скоро стать любимицей курса. Затаив дыхание, ловила каждое слово великих педагогов, с которыми довелось общаться, и чувствовала себя абсолютно счастливым человеком.

– Профессия актера, это сложнейшее ремесло, это великое самопожертвование, на которое только способен человек. Когда с тебя снимают кожу, твои нервы обнажены, ты горячими руками вынимаешь из груди сердце и показыва-

ешь зрителю, как трепетно оно бьется...

Такими словами начал Мастер первое занятие со студентами.

– Меня сейчас стошнит, – прошептала ей девушка, сидевшая рядом.

– А меня нет, – отмахнулась Аня, с восторгом продолжая слушать.

– Понимаю ваше удивление, такие вещи не говорят даже студентам медицинских институтов, но здесь мы это говорим, потому что вы должны знать, на что идете. И, не дай вам бог делать это ради славы или денег, ради аплодисментов. Стоит лишь однажды это пожелать – из творцов и лицедеев вы превратитесь в жалких ремесленников. А из служителей сцены в служак. Бесценно лишь то, что не имеет цены – запомните это на долгую творческую жизнь.

А она даже записала, настолько ей понравились эти слова. Поклялась, что ни минуты не проведет впустую в этих стенах, и очень скоро станет настоящей актрисой... И сыграет Чайку. Непременно сыграет! Об этой мечте она не забывала никогда. Где сыграет, как, для кого – об этом она не думала, и, несмотря на то, что училась на Мосфильме, с этой мечтой не расставалась. А по вечерам, когда занятия заканчивались, и студенты расходились кто куда, для нее жизнь только начиналась. Она не любила шумные студенческие вечеринки, не уделяла внимания молодым красавцам, которые учились вместе с ней. Сейчас она была в Москве. В городе, где сотни

кинотеатров светились веселыми огоньками афиш, где было множество театров, а там играли замечательные актеры. И девушка, экономя на последнем из крошечной стипендии, покупала билеты, десятки раз пересматривая любимые кинофильмы или шла на спектакли. Хорошо, что туда ее пускали бесплатно, как студентку и будущую актрису. А там, с высоты птичьего полета, из-под самого потолка, с галерки она могла наслаждаться искусством актеров той великой театральной эпохи.

Я ей больше не помогал. Ничего на ухо не шептал. Она не нуждалась ни в чьей помощи, добываясь всего сама. Начинаящая актриса обладала потрясающей энергией, и все препятствия были для нее, словно небольшие ступеньки, через которые она с радостью перепрыгивала, мчась все дальше и выше. Но я был всегда рядом. Мне интересна была эта девочка с черными глазами, которые смотрели дерзко и уверенно. Я решил пока не оставлять ее, дав будущей актрисе испытательный срок. Может, что и получится. Что с ней будет дальше – я не знал. Путь, который она выбрала, был настолько тернист и сложен, что одна она не справилась бы точно. И я готов был прийти на помощь в трудную минуту. Но, казалось, таких минут для нее не существовало.

Однажды с ней случилось событие, которое надолго отложилось в ее памяти, да и моей тоже. В моей, потому что теперь она стала частью моей жизни. Или не жизни вовсе... Не важно! Стала маленьким родным человечком, которого

по утрам я с радостью встречал у порога общежития, а по вечерам провожал. Но обо мне она не догадывалась. Впрочем, так было во все времена моего существования, к чему я давно привык. Но, эта история не обо мне...

Три года пролетели в неустанных трудах. Каждый день для маленькой актрисы был откровением, он приносил что-то новое, дарил надежду, радость, не был похож на предыдущий, но главное открытие для нее было впереди. Все это время на занятиях по актерскому мастерству студенты делали упражнения, потом этюды, ставили миниатюры, играя маленькие роли, наконец, Мастер сообщил, что пора создавать спектакль.

– Какой? – замерли студенты.

– Какую пьесу мы будем играть? – пронесся шум голосов. Вдруг послышался громкий возглас: – Чайку!

Все обернулись, глядя на маленькую хрупкую девушку, а она с восторгом повторила: – Чайку! – и посмотрела на Мастера. Тот засмеялся:

– Аня, почему, Чайка? Есть множество замечательных пьес! Но...

Все замерли, ожидая его решения. Тот немного помолчал, оглядывая лица студентов, остановив взгляд на ней:

– Но... по какой-то невероятной случайности ты оказалась права.

Ропот пронесся по залу, а Мастер закончил:

– «Чайка»! Состав курса позволяет распределить все роли

пьесы, а Нину Заречную играть тебе, Аня!

Это была ее первая маленькая победа. Три года она болела этой ролью, знала ее наизусть, мечтала о ней, и теперь Нина Заречная принадлежала ей! Это было чудом! Видимо, Мастер не забыл, как она поступала к нему, читая монологи из этой пьесы. За что он тогда и взял ее на курс.

Начались долгие недели репетиций. Она была счастлива. Девушка порхала по сцене, произнося монологи, с восторгом работала с партнерами, и поражалась, как легко ей давалась роль. Мастер иногда хвалил ее, впрочем, как и остальных, и Аня впервые почувствовала себя актрисой. Если это так легко, значит, она не ошиблась, значит, правильно выбрала профессию. Теперь она была абсолютно уверена, что создана для сцены и чувствовала себя настоящей Чайкой! Актрисой, у которой впереди большая творческая жизнь.

Я с любопытством наблюдал за этим крошечным существом, которое решил опекать. Но, я прожил слишком долгую жизнь, и многое повидал на своем веку. Видел великих актрис, работавших над этой ролью. Знал, чего стоило им играть Чайку. Через какие муки они проходили. А этой все было нипочем. Словно, играла с любимой игрушкой. Может быть – так и должно быть? – удивлялся я. – Не знаю, я не Мастер. Я всего лишь Ангел, искушенный зритель, и здесь помочь не мог ничем. Теперь все зависело только от ее таланта. Один умный человек сказал: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». И это понятно. Талант – это

великий дар. Но сколько людей, осененные божественным перстом, прозябают в безвестности и забвении на задворках истории. Таким и нужен Ангел. Мелочи иногда решают все. А я могу устроить любую встречу, переложить бумаги с одного стола на другой, доставить письмо по назначению. Такие мелочи могут повлиять на судьбу человека. Но дальше... Как мой избранник этим распорядится, зависит только от его способностей и таланта. Что же, посмотрим. Я мог сделать многое для этой черноглазой девочки, не мог только одного – сыграть за нее эту роль, а до премьеры оставалось всего две недели.

Однажды Аня после репетиции подошла к Мастеру и спросила:

– Ну, как? – она была возбуждена, глаза ее светились восторгом, была она довольна собой. Знала, что все у нее получится. Но, как иногда нужен взгляд со стороны, тем более, когда на тебя смотрит не кто-нибудь, а Мастер. Человек, который всему научил, и ты доверяешь ему абсолютно!

– Ну как? – снова с восторгом спросила она. Тот на мгновение задумался, улыбнулся и просто ответил:

– Неплохо.

– Да? – и тихое счастье затрепетало в душе – ее оценил сам Мастер, который обычно был скуп на похвалы.

– Хорошо! – добавил он. А его «хорошо» стоило дорого – она знала это.

– Ты неплохо справляешься с ролью, – продолжал он. –

Хорошо работаешь, честно. Молодец, Аня.

– Я или моя Нина Заречная? – вдруг спросила девушка. Мастер немного помолчал, о чем-то думая, перевел взгляд на нее, улыбнулся.

– Ты органична, убедительна, я тебе верю.

– Мне или моей Чайке? – настаивала она. Мастер стал серьезен. Он мгновение подумал и спросил:

– Запомню, тебе сколько лет?

– Восемнадцать! Уже целых восемнадцать!

– Восемнадцать, – задумчиво повторил он. – Как тебе это объяснить?...

Он долго молчал, глядя куда-то мимо нее. Взгляд этот был отрешенным, сосредоточенным, в его глазах отражались неведомые фантазии, образы, которые тот себе представлял. Потом Мастер снова мягко заговорил:

– Понимаешь, Аня, Чайка – она другая. Большинство актеров играют себя в обстоятельствах, предлагаемых ролью, и только один из сотни, может быть, из тысячи перевоплощается, создавая образ. Но это вершина, на которую забраться нелегко. Скажу честно – дано это не каждому. Ты свободно существуешь в истории и декорациях, придуманных Чеховым, неплохо работаешь, выкладываешься, ты молодец! Еще будет несколько репетиций, мы доработаем некоторые сцены – думаю, получится достойная работа. Все будет хорошо, я доволен тобой... А, Чайка... Она немного другая. Ну, это уже...

Напоследок улыбнулся и откланялся, а девушка осталась одна. Она была потрясена.

Чайка другая! – все звучали его слова. – Немного другая. Она не создала образ! Чайка находится от нее на недостижимой высоте. Где-то на небесах она машет белыми крыльями, кричит, ненадолго опускается над озером, хватая свою добычу, но снова ускользает. Я Чайка?! Я не Чайка! Я Аня – девушка, которой восемнадцать лет! Так вот почему было так легко? Я что-то упустила, не создала роль! А до премьеры оставалось всего две недели, после которых останутся – «молодец, хорошо, неплохо»... и обязательные аплодисменты, как же без них. В театре без них не бывает. Все у тебя хорошо! – эти ужасные слова теперь преследовали ее. – Она немного другая. Я не Чайка!... Не Чайка!... Не Чайка!... Значит, нужно начинать все с самого начала, – поняла она. А еще поняла, что надевала на себя эту роль, словно платье. Она делала из Нины себя, а нужно было делать все наоборот. Нина другая... другая... другая..., – стучало в висках. – Какая?

Теперь время шло для нее мучительно долго, а она все не могла понять, не могла найти тропинку к озеру, где жила Чайка.

Мастер все объяснял. Он учил их этому три года. Неужели она не сможет! Теперь она напряженно вспоминала его слова:

«Нужно забыть обо всем, раствориться в персонаже,

отдать всю себя».

Девушка и раньше соглашалась с этим, разумно все понимала, как заученный урок, но теперь... Теперь слова Мастера снова и снова звучали в голове:

«Нужно полюбить свою героиню. Только из великой любви рождается высокое искусство, рождается чудо».

Но как это сделать? – мучилась она.

«Только отдавая – ты обретаешь. Это и есть любовь. Забудь о себе, забудь об аплодисментах»...

А ведь Нина Заречная тоже говорила эти слова. По-своему, но говорила. Почему же раньше она проходила мимо них?

«...Главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

Только теперь она поняла эти слова. И снова в голове звучал голос Мастера:

«Уметь говорить со сцены – это большой талант, но уметь говорить от лица своего героя – это великий дар!»

Нина? Какая она?... Нужно начинать все с самого начала. Найти, увидеть, раствориться в ней, тогда и получится образ. Все просто. Просто?...

Это были мучительные дни. Теперь она медленно двигалась в лабиринте, словно попала в густые заросли, потеряв ориентир. Забыть о себе, понять этого человека, почувство-

вать его. Какая она? Какой у нее цвет волос, голос, рост, глаза, походка? Но, как это узнать?... Вдруг поняла – все написано, все можно прочесть в словах, которые она произносит, почувствовать, видя, что делает ее героиня, как воспринимает мир. И снова она берет в руки пьесу, пытаясь читать уже другими глазами.

Прошла неделя. Прошли еще несколько дней. До премьеры оставалось немного. Послезавтра она выйдет на сцену и будет играть. Кого? Девушка забыла о сне, почти перестала есть, как призрак, она появлялась в институте, ходила на репетиции, на другие занятия и все думала, представляя – какая Она. Иногда выбегала из класса, на подоконнике раскрывала пьесу и лихорадочно читала заученные страницы. Уже ненавидела эту книгу. Тогда пришла в голову одна идея, она сбегала в книжную лавку и купила другую «Чайку». Там был другой шрифт, другие размеры страниц. Но, что это даст? Нужно посмотреть на все другими глазами. И снова лабиринт. А чаща становилась все гуще, высокие деревья уже закрывали небо целиком, и куда ей пробираться дальше, она не понимала. Знала одно – в этих строках, в этих словах таится магический смысл, скрывается Она. Где?

Однажды в отчаянии отшвырнула книгу.

– Нина Заречная придумана. Она лишь фантазия великого Чехова. Но в жизни ее не существует. Значит, теперь она сама придумает ее такой, какой захочет. Нет! – вовремя остановилась она. Каким-то чутьем поняла, что великий писа-

тель иллюзию и выдумку воплотил в жизнь. И где-то сейчас на далекой-далекой планете находится та самая Нина Заречная. Настоящая, живая. Оставалось только найти туда дорогу. Все просто! Просто?...

До премьеры оставался один день. Мастер видел ее состояние, ничего не говорил, понимая волнение девушки, но считал это нормальным. Ох уж эти юные актрисы! Он был доволен ей. И вот наступает последний вечер, а завтра... Завтра спектакль.

Я видел ее такой впервые. Я ни на минуту от нее не отходил. Да и она впервые в жизни почувствовала невероятную муку, которая была несравнима ни с чем. А я говорил, я предупреждал. Не все игры могут радовать маленьких девочек. Есть такие, ради которых приходится отдать всю себя. Способен ли на это каждый? Нет! Способна ли ты? Но, что с ней происходит?...

Была поздняя ночь. Аня не спала. Она широко открытыми глазами смотрела в окно, где в свете фонарей падали редкие снежинки, а яркая луна отбрасывала желтые отблески на подоконник. *«Эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь»*, – вспомнила она строки из пьесы. – Напрасно... Напрасно... Все напрасно... Эта луна сейчас освещает то озеро, видит его с высоты, а я не могу найти туда дорогу...

Перевела взгляд на кровати, стоящие неподалеку, где безмятежным сном спали студентки ее курса. Наверное, им снился спектакль, свет прожекторов и софитов, зрители, ап-

лодисменты. И снова окно, откуда слышались сонные отзвуки спящего города. И снег. Белоснежный пушистый снег. А где-то у далекого озера в эту минуту бродит одинокая девушка, она о чем-то думает, вспоминает, заглядывает в окна особняка, которые светятся неподалеку, кого-то выглядывает, ищет. На дворе поздняя ночь, а над головой луна. Зовут ее Нина Заречная. Девушка мучительно пытается что-то понять. Ее длинные волосы лежат на плечах, а взгляд пронзительный и ясный. Взгляд карих глаз...

Карих? Почему, карих? – она была потрясена. – Кто сказал, что у нее карие глаза? Откуда она это знает?

Аня подскочила на кровати, схватила книгу и пулей выскочила из комнаты, помчалась по коридору и замерла у стены, где тусклая лампочка осветила ее хрупкую фигурку, но главное, страницы, которые ей теперь были так нужны.

Карие глаза! Карие глаза! – шептала она. Уже чувствовала, что Нина находится где-то рядом. Слышала ее прерывистое дыхание. Карие глаза!

Все эти дни, все мучения и тяжелые раздумья в эту минуту перемешались в голове, и теперь она делала открытие. Нужно отбросить разум, забыть обо всем, раствориться и... полюбить. В это мгновение она словно отдавала душу, а та становилась абсолютно свободной и была открыта для всего. Это было откровением! И вдруг она поняла все. Раньше это были только слова, строки, реплики, но теперь они становились реальностью.

– Открывай пьесу и читай, – звучало в голове.

– Что читать?

– Все, что угодно.

– С какой страницы?

– С любой!

«.. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, – словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...»

Перед ней возник образ незнакомой девушки. Она видела ее впервые. Раньше не замечала, хотя та всегда находилась рядом. Была на каждой странице книги, которая лежала у нее под подушкой. Но теперь эта девушка, словно, ожила. Она выше ростом, у нее удивительные... карие глаза! Голос – пронзительный, громкий, немного уставший. Она улыбается, смеется, плачет. Она удивительно ходит, а эти руки, словно крылья, то поднимаются, то опускаются вниз. Девушка напоминает чайку. И, что удивительно, она настоящая, живая. Как такое возможно? Это чудо! Молчи! Читай!

Все дальше и дальше, страница за страницей она идет за своей героиней, видит Нину Заречную, остается только сделать шаг. Как? Душа свободна! Она открыта! Сейчас она сольется с этой придуманной душой и станет Ниной, станет Чайкой. Давай же! Не бойся ничего! И тут происходит чудо. Маленькая актриса чувствует, что ее тело меняется. Душа не

покинула его, но превратила в другое существо. Она стала выше ростом, другая походка, другой голос. Она по-другому говорит, думает, чувствует. Это не я. Кто же? Нина Заречная. Теперь она Чайка. Она стала ей! Ее душа поселилась в ней и испытывает все то, что было написано на страницах волшебной книги. А еще почувствовала, что в этот миг совершенно свободна, что любит и Чайку, и людей, которые собрались в зале, понимает, зачем она здесь, что хочет сказать, понимает, что хотел сказать автор, и зачем написана эта пьеса, эта роль, зачем он дал ей крылья и дар любить. И начинается сказочный полет...

А спектакль продолжается. Рядом придуманные персонажи... Нет, они настоящие, живые, теперь ее душа открыта и может сыграть все – и этих людей, и озеро, старый театр, который стоит заброшенным уже два года в саду. Даже ружье, которое, дожидаясь своего выстрела, висит на стене. Подожди, не стреляй, дай еще мгновение этой удивительной жизни!.. Жизни на сцене!...

Вдруг в какой-то момент актриса замерла, а время для нее остановилось. Только что она произнесла слова:

«Общая мировая душа – это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь».

Это были волшебные слова. Время перестало существо-

вать. Вдруг увидела перед собой дверь. Еще недавно ее на сцене не было – она помнила это точно. Обернулась. Все застыло на месте, и персонажи, и зрители, все остановилось. Теперь это время стало безразмерным. Наступила пауза, в которой могла поместиться целая жизнь. И жизнь эта была бесконечной.

Но, что это за дверь? Она робко ее приоткрывает, а там видна гигантских размеров сцена. По ней ходят люди. Нет кулис, нет колосников, а яркие звезды украшают небосвод. Здесь идет спектакль. Какой? Вдруг она узнает людей:

И Александр Великий, и Цезарь, и Шекспир являются перед ней в своем великолепии. Вот Наполеон. А в первых рядах огромного амфитеатра Толстой и Гоголь, Достоевский и великий Пушкин. Чехов! Он тоже здесь. Еще множество людей и персонажей явились перед ней на этой сказочной арене, которая была величиной с планету, где шел удивительный спектакль. Иллюзия? Реальность? Все перепуталось, все трансформировалось. Верить в это, не верить? Конечно, верить! – вдруг поняла она. А еще поняла, что попала в неведомый мир, где сказка становилась реальностью, явью, а время отступало. Поэтому все эти придуманные и не придуманные персонажи, люди из разных эпох, находились вместе, играя свой удивительный спектакль.

У двери заметила привратника в старинной одежде. Он улыбнулся и произнес:

– Вы к нам? Заходите, мы очень рады.

– Рады?... Вы знаете меня?

– Раз вы нашли сюда дорогу, значит, эта дверь для вас открыта. Ну, проходите же!

– Нет... Я не знаю... У меня спектакль.

– Спектакль?! – с восторгом переспросил он. – Кого же вы играете?

– Нину... Нину Заречную.

– О! Тогда не буду вам мешать!

Вдруг заметила, как Чехов обернулся! Он посмотрел на девушку, нет, на актрису, поднес к глазам пенсне и улыбнулся, помахав ей рукой. Это было чудом. Он словно благословлял ее на роль.

– Что же. Возвращайтесь назад, – с уважением произнес привратник. – Понимаю. Вы еще не доиграли свою роль. А на эту сцену успеете всегда. Играйте, Актриса, творите, у вас все еще впереди.

Улыбнулся и после этих слов аккуратно прикрыл дверь. А оттуда еще долго слышались звуки то ли музыки, то ли волшебных колокольчиков, которые, как шарманка, все повторяли свое призрачное звучание. И голоса. Эти великие голоса.

Она обернулась, и тут же время ожило, а из зала на нее смотрели сотни восторженных глаз. Знакомое озеро, Чайка, эти персонажи... Нет, люди! Настоящие живые люди. Игра вновь захватила ее всецело, и она растворилась в роли. Поселилась на озере, а иллюзия вновь стала чудесной реально-

стью! И уже хотелось остаться здесь навсегда...

Что это? Актриса в ужасе срывается с места и убегает, а громкие аплодисменты несутся вслед. Уже настигают ее. Они все испортили, все разрушили! Девушка чувствует, как ее берут под руки, ведут на сцену, занавес раздвигается, ее заставляют кланяться. Снова и снова. Вот опять шквал аплодисментов, который уже слышать невозможно. А Чайка, белокрылая птица летает где-то рядом и машет ей крылом. Но и она в последний раз крикнула на прощанье и исчезла... И тишина. Кромешная тишина...

Через мгновение Аня оказалась на холодной улице. Белоснежные снежинки с радостью на нее набросились, предлагая закружиться вместе с ними в веселом хороводе. Она стояла, и глаза ее блестели, а сердце бешено колотилось. Постепенно пришла в себя. Почувствовала, что ужасно замерзла, а в душе поселилась пустота. Поняла, что сегодня сказала все, что спектакль окончен, еще поняла, как безумно устала, но возвращаться не хотела. А волшебное озеро снова было перед глазами, и эти люди – ожившие персонажи. Только теперь они молчали. И дверь. Та удивительная дверь была заперта... Издалека еще слышны аплодисменты. И снег. Он все падает и падает. Этот белый, пушистый снег... И мир. Этот белый холодный мир, куда она вернулась опять...

Ее кто-то окликнул, подхватил под локоть и повел за собой. Потом она услышала:

– Теперь скажи честно, когда ты в последний раз ела?

– Не знаю... Не помню, по-моему...

– Понятно. Ночной буфет еще работает, пойдем.

Они спустились в подвальное помещение, где находилось небольшое кафе. Оттуда были слышны голоса людей, доносились запахи еды. Девушка встала к высокому круглому столику. Стульев здесь не было. Люди наскоро заходили, что-то перехватывали и мчались дальше по своим творческим делам. Она едва держалась на ногах. Мастер ненадолго отошел и скоро вернулся, неся тарелку с бутербродами. Есть она не могла. Через силу откусила кусочек сыра и выпила глоток горячего чая, который согрел ее, помогая прийти в себя. Мастер какое-то время на нее смотрел и молчал. Не было жалости в его глазах. О чем он думал, было непонятно. Наконец, медленно тихо заговорил:

– Это сложное ремесло... Это уникальная профессия, но опасная... Аня,... то, что я видел сегодня... Такое в жизни актера бывает редко, почти никогда, один, может быть два, несколько раз в жизни. Но, есть актеры, гениальные творцы, у которых это бывает всегда. Чайка...

Он снова задумался, глядя в пустоту, наконец, произнес:

– Это дается нелегко. Иногда не знаешь, что лучше – быть хорошим актером, честно работать в профессии, или вот так, сжигать себя на костре.

– Я не понимаю, – произнесла она.

– У тебя глаза во время спектакля были карими... Не опали крылья, девочка, и не стань актрисой одной роли. Береги

себя. Тебе еще мало лет, вся жизнь у тебя впереди... Пони-
маешь?

– Нет, – честно призналась она. Знала одно – то, что сего-
дня произошло – было чудом. А еще поняла, как абсолютно
себя отдав, растворившись, пройдя через невероятную му-
ку, можно стать счастливой. Но сейчас валилась с ног, и ду-
мать не хотелось ни о чем. Она была счастлива. Это счастье
тихими колокольчиками звенело в глубине души, вибриро-
вало незнакомой мелодией, нотами, которые, как шарманка,
повторялись снова и снова, и готовы были унести ее на вы-
соту далеко-далеко отсюда, поближе к той двери. Но возвра-
щалась назад, чувствуя, как устала. И пустота. Кромешная
пустота в душе. Но верила, что это счастье когда-нибудь по-
вторится вновь. Только нужно немного отдохнуть... отдох-
нуть... отдохнуть... И снова эти колокольчики. Звук их все
тише. Они успокаивают, убаюкивают... А еще поняла неве-
роятную вещь – в жизни больше ничего нет.

Мастер, заметив ее состояние, завернул недоеденные бу-
терброды в салфетку, положил их в сумку девушки и сказал:
– Пойдем-ка, я отвезу тебя домой. На сегодня достаточно.
И она благодарна ему была за эти простые слова.

О, волшебная магия театра! Эта девочка сделала то, на что
способен не каждый человек, не каждый смертный. Юная
актриса сотворила чудо, и теперь я знал, что останусь с ней
навсегда. На тот срок, который отведен ей свыше. Я не знал,

что будет с ней дальше. Есть две даты, между которыми ставится черта. Длинная или короткая – не важно. Главное – какой она будет. И, что суждено было прочертить юной актрисе, зависело только от нее. Ради этого люди и приходят в этот мир. Знал только ту дату – вторую, но сейчас это не имело никакого значения. А для нее начиналось самое трудное и интересное. Она забралась слишком высоко, но теперь, чтобы покорить новую вершину, нужно было долго спускаться и идти вниз. Таков закон! Так устроена жизнь. А новая вершина – новая жизнь. Интересно, сколько еще этих вершин у нее будет? И будет ли? Но, сегодня она забралась слишком высоко, сотворив чудо...

Жизнь третья

Аня перешла на последний курс. Теперь, когда студенты освоили профессию актера, их учили искусству кино. Они ходили на съемки, участвовали в массовых сценах, а кому повезло, играли эпизодические роли. Но однажды девушка узнала, что Мастер готовится снимать новое кино и ищет актрису на главную роль. Это будет ее роль! – сразу же решила она.

Когда она пришла на кинопробы, ей дали короткий текст и через две минуты прозвучала команда «мотор». Камера тихо застрекотала, и девушка начала зачитывать реплики. Молодой человек, играющий роль ее друга, был спокоен и уверен в себе – его уже утвердили. Мгновение, и все закончилось. Снято! – услышала она безжалостный возглас Мастера и вопросительно на него посмотрела.

– Ну, как? – робко спросила девушка.

– Проявим – посмотрим, – спокойно ответил тот, и по его взгляду невозможно было понять, доволен ли он. Она ушла со съемочной площадки, направившись к двери, вдруг увидела знакомые лица. У входа сидели три актрисы, которых она знала очень хорошо. Их знала вся страна. Это были великие имена.

– Следующая! – скомандовал Мастер, и одна из них встала. Аня поравнялась с ней, та весело улыбнулась и прошеп-

тала:

– Ну что, наигралась, девочка? – и подмигнула. А эта улыбка сверкнула, словно сошла с большого киноэкрана. Аня, ничего не ответив, удалилась. Да и что она могла сказать звезде? Что она дочь полка, как ее называли, студентка театрального института, которая за малый возраст была взята на поруки творческим коллективом. К этому времени она успела сняться лишь в нескольких эпизодах. Иногда даже без слов. Одно дело добиваться маленьких побед на курсе, но совсем другое – входить в блистательный мир кино, – поняла она.

На следующее утро она разыскала Мастера и снова задала ему вопрос: – Вы проявили? Посмотрели? Ну как? – и сердце ее замерло. Он улыбнулся и весело ответил:

– Посмотрел. Хорошо. Молодец.

– Да? – прошептала она.

– Но...

– Почему всегда бывает это «но», почему нельзя без него? – подумала она.

– Понимаешь, – продолжал Мастер, – Машенька, она другая. Она не такая, как ты.

– Значит, я сыграю ее, какой бы она не была, – уверенно ответила девушка.

– Ах, сыграешь? – засмеялся Мастер.

– Конечно! – упрямо повторила Аня.

– Ты видела, какие актрисы пробуются на роль? Звезды

меркнут перед ними.

– На мою роль? – невинно повторила она. Мастер уже хотел.

– Твою?

– Я опоздала? Вы уже остановили свой выбор на ком-то?

Мастер вздохнул.

– Их приходило уже десятки. Пока не знаю, что и сказать. Взрослые, умудренные опытом девушки, взрослые глаза, руки, движения, взрослая походка. Не знаю. Машенька другая, – и задумался. – Признаюсь, я пока не нашел ее, – пробормотал он. Потом перевел взгляд на Аню, словно только что ее увидел.

– М-да... Заешь что? В седьмом павильоне снимается фильм. Там нужна девушка на эпизод. Подойди к режиссеру. Скорее всего, ты ему подойдешь. Ну все, ступай, готовься – скоро выпускные экзамены.

– А можно прочитать сценарий? – настойчиво спросила она.

– Сценарий? – недоуменно спросил он. – Почитай. Подойди в группу, попроси экземпляр. Скажи, что я разрешил.

– А потом снова можно прийти на пробы?

– Молодец. Так и надо. Мозоль глаза противным режисерам, чтобы они тебя заметили. Рано или поздно ты своего добьешься. К сожалению, ролей меньше, чем актрис.

– Так можно?

– Что? – удивился он.

– Прийти к вам еще раз.

Он улыбнулся и снисходительно произнес:

– Можно, – и удалился.

Она вернулась в общежитие и все рассказала подругам.

– Как ты не понимаешь, он возьмет на роль кого-то из знаменитостей, – сказала одна из них. – Только тогда у фильма будет успех. Их знают, их любят. А мы... Что мы...

– Когда-то их тоже не знали! – возразила Аня. – Он непременно должен взять меня.

– Смешная ты, Анька!

– Нет, не смешная! Он возьмет меня, и я стану великой актрисой.

– Ты хочешь славы?

– А кто ее не хочет? – засмеялась вторая подруга.

– Хочу! – сверкнула глазами Аня. – Иначе так и буду играть в эпизодах всю свою жизнь. Славы! Хочу, чтобы меня знала вся страна!

А девушки уже громко хохотали и остановиться не могли, на что Аня очень обиделась. Она почему-то была уверена, что должна бороться за эту роль.

Прошло несколько месяцев. Аня успешно сдала экзамены, закончив институт. Теперь она была дипломированной актрисой, только без ролей. Иногда ее снимали в эпизодах, но ее мечта – Машенька так и была неосуществима. Она не раз подходила к Мастеру с просьбой о повторной кинопробе, но тот, ссылаясь на занятость, все откладывал, и она уже

потеряла всякую надежду.

Наступило лето, девушке исполнилось 19 лет. Уже 19! Старая и никому не нужная, — однажды вспомнила она. А на экранах кинотеатров загорались все новые звезды. Однажды она подошла к ассистенту режиссера. Это был молодой человек, который раньше учился в их институте. Она хорошо его знала. Звали его Павел.

— Он все еще не нашел актрису на Машеньку?

— Нет, — коротко ответил тот.

— В стране мало хороших актрис?

— Все не то!

— Чего же ему не хватает?

— Машеньки.

— А, какая она? Что он о ней говорит? И почему он не хочет взять меня?

— Тебя? — улыбнулся Павел. — Машенька — это образ советской женщины. Хрупкой, нежной, но одновременно сильной. Она способна помочь мужчине, который рядом, способна учиться, работать, выполнять любые тяжелые обязанности. А еще она умеет любить! Неся тяжелый груз, она со всем справится, будет даже сильнее друга, при этом останется легкой, изящной, как перышко. Иногда кажется, дунет ветерок, и она улетит. А эта... Понимаешь? Ни в одной актрисе он этого не нашел. Одни слишком взрослые, другие женственные, сексуальные, настоящие красавицы, но слишком мало в них силы. Это уникальный дар нести тяжелую ношу на хруп-

ких плечах... Так он о ней говорил.

– Это моя роль, – прошептала девушка, а Павел улыбнулся.

– Как мне уговорить его сделать пробы еще?

Павел развел руками:

– Ты знаешь Мастера. В делах профессии он неумолим, поэтому снимает отличные фильмы. Не обижайся на него.

– И все-таки я попробую еще.

– Пробуй. Конечно, пробуй.

Вечером она в отчаянии написала письмо маме:

«Единственная, дорогая моя матушка, добрая ты моя душенька, ты вот пишешь: «Машенька» будет твоя». Мамочка, что-то очень мне тяжело. Некому сказать больше, а сердце рвётся. Боюсь я, что ничего не выйдет у меня. И, может быть, и не потому, что я совсем без таланта, а потому, что сложная огромная жизнь давит меня, душит, нет сил. Неужели, ну неужели уплывёт, уйдёт, бросит меня и моя Машенька? Господи, господи, ой как тяжело. Я очень плохой, плохой я человек. Ну, пусть всё, всё будет отнято из моей жизни, но чтоб я стала горячей и хорошей Машенькой. Мамочка, Машенька для меня – это жизнь».

Нельзя говорить такие слова! Нельзя желать себе такого! Какая она еще глупая! Все имеет свои последствия! – ужаснулся я. Вы скажете – я суеверен? А кому еще быть суеверным, как не Ангелу – отвечу я и буду прав. После этого письма я уже не хотел, чтобы она играла эту роль. Есть вещи, ко-

которые говорить нельзя. Нельзя даже думать об этом...

Однажды, Аня в последний раз решилась подойти к Мастеру. Она пришла на Мосфильм и направилась в павильон, где уже стояли готовые декорации. С ужасом подумала, что опоздала и кинулась к Павлу.

– Он взял Ее?

– Нет, – коротко ответил тот. Сейчас ему было не до нее. А в павильоне была нервная обстановка, Мастер что-то кому-то говорил на повышенных тонах. Потом упал в кресло и задумался. Аня набралась смелости и подошла.

– Можно попробовать еще раз? – спросила она.

– Нет. Мало пленки! – резко ответил тот. Потом кому-то крикнул. – Ждем еще десять минут! – и Аня отошла. Вдруг услышала голос Павла:

– Нужно поговорить.

Они отошли в сторону, тот какое-то время молчал...

– Я тебе раньше этого не говорил, но ты должна знать – Мастер никогда не делает повторные пробы. Ни для кого и никогда. В кино вообще такое бывает редко. Только если настаивает комиссия, министерство или если много претендентов.

– А претендентов много?

– Ни одной, – ответил тот. – Мастер вообще думает отложить съемки. Он не может найти Машеньку.

– Но, почему он не хочет попробовать меня?

– Я тебе уже сказал.

Он немного помолчал.

– Не хочу тебя расстраивать. Но... Тогда, после проб, он про тебя говорил, что ты...

– Что?

– Ты слишком юна.

– Но, мне уже 19!

– И тем не менее. Оставь его в покое, у тебя все впереди.

Что ты привязалась к этой Машеньке, подожди немного...

– Это моя роль!

– Аня, это не твоя роль, боюсь, она ничья. Ему дали две недели – если он не найдет героиню, фильм отложат и тогда...

Вдруг издалека слышались раздраженные выкрики Мастера.

– Ну, ты посмотри на нее! Прима! Не явилась! Изволим задерживаться. Люди ждут, понимаешь, приехали актеры, вся группа на месте, а ее нет! Звездная болезнь. Вот, дьявол... Борщ варить таким примам! На кухню! Борщ!

– Что происходит? – спросила Аня.

– Пробы на четверых. Сцена в ресторане. Нужно отснять двух новых людей, заодно посмотреть актрису на Машеньку. А эта... не приехала.

– Все по местам! – вновь закричал Мастер.

– Так! Пойду. Не расстраивайся, удачи, – и Павел побежал к своему месту.

– На площадку! Заняли свои места, – слышались команды

Мастера. – Начинаем!

– Кто прочитает за Машеньку? – спросил Павел.

– Кто угодно. Сам читай... Нет... Дай кому-нибудь из женщин. Дай Любочке – костюмеру.

– Ее нет.

– Как? И ее нет! Ну, знаете ли...

– Но, вы же сами послали ее гладить костюмы для завтрашной сцены.

– Я послал?... Да. Я послал. Есть кто-нибудь в этом чертовом доме из женщин? – уже рычал он. – Звездная болезнь! Ну, я ей покажу! Борщ!!!... Кто-нибудь!!!

– Я.

– Кто сказал я?... Иди сюда, – Мастер щурился в свете яркого прожектора и сначала ее не разглядел. – Опять ты?

– Да, – ответила Аня.

– Ну, знаешь... Хорошо. Не важно. Дайте ей текст.

И тут она поняла страшную вещь – у нее нет никаких шансов, Мастер давно махнул на нее рукой: «Слишком юна». И она равнодушно тихо прошептала:

– Не надо.

– Что не надо.

– Текст не надо.

– Почему?

– Я знаю его наизусть.

– Знаешь? – он был очень удивлен. – На площадку! – потом, обернувшись к своему помощнику, рявкнул, – начинай-

те.

И снова волшебная команда – «мотор». В последний раз она слышит ее на этой площадке. Ей доверили почитать текст. Чужой текст. О Машеньке можно забыть навсегда!

И застрекотал мотор кинокамеры. Она не волновалась. Волноваться было незачем. Слишком юна! И спокойно легко вела диалог. Обо всем забыла и играла. Просто играла. Минута, другая. Сцена была длинная, но Мастер не останавливал. Наконец, команда помощника:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.